

— Ну-ка, пойду въ мертвецкую на великое веселіе!—говорилъ онъ.

„Мертвецкой“ называлъ онъ этотъ буйный домикъ за то, что тамъ до смерти веселились.

— До смерти веселятся,—ну и мертвецкая,—объяснялъ выдуманное имъ подъ веселую руку потѣшное имя своего студенческаго общежитія.

Вотъ онъ входитъ туда, къ своимъ „милымъ разбойничкамъ“.

— Что, что ты сказалъ? что смѣлъ ты сказать? что Гегель совралъ? Гегель? Да ты сумасшедшій! ты долженъ отвѣтить за это! Нѣтъ, дерзости такъ не прощаются! Изволь доказать! Ну, говори скорѣе!

— Говори, говори, если посмѣешь: гдѣ ты нашелъ тѣ слова, что ты такъ легкомысленно приписалъ Гегелю?

— Да ты не наслушался ли розказней Погодина?

— Нѣтъ, господа, не то: онъ, видно, изъ школы барона Брамбеуса!

— Да дайте же вы мнѣ слово сказать!

— Не давать ему слова! Пусть сначала въ умъ придетъ!

— Нѣтъ, дайте сказать мнѣ! Постойте!

— Не надо! Молчи, окаянный! Прочь, чернь непроsvщенна!..

Шумъ, гамъ. Всѣ обступили одного смѣльчака, осмѣливагося сказать, что Гегель—этотъ великій учитель, кумиръ поколѣнія, мудрецъ, совралъ!

— Онъ—„совралъ!“... И какой тонъ! Какой дерзкій тонъ!

— Нѣтъ, этого нахала надо судить,—кричить